

Романы Нила Стивенсона

Лавина

Алмазный век

Криптономикон

Барочный цикл

Ртуть

Смешенье

Система мира

Анафем

Семиевие

Падение, или Додж в аду

Синдром отката

Нил Стивенсон и Николь Галланд

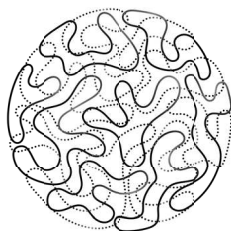
Взлет и падение ДОДО

NEAL
STEPHENSON

FALL
OR, DODGE IN HELL

НИЛ
СТИВЕНСОН

ПАДЕНИЕ
или ДОДЖ В АДУ

FAN|ZON

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Neal Stephenson
FALL, OR, DODGE IN HELL

Copyright © 2019 by Neal Stephenson

Fanzon Publishers
An imprint of
Eksmo Publishing House

Перевод *Екатерины Доброхотовой-Майковой*

Дизайн *Елены Куликовой*

В оформлении переплета использована иллюстрация:

© Jackie Niam / Shutterstock.com;

В оформлении титула использована иллюстрация:

© korkeng / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Стивенсон, Нил.

С80 Падение, или Додж в Аду / Нил Стивенсон ; [перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 784 с.

ISBN 978-5-04-199063-3

Ричард «Додж» Фортраст, миллионер и основатель известной компании по разработке видеоигр, умирает в результате несчастного случая. По условиям завещания, его мозг сканируют, а структурную информацию загружают в хранилище данных, надеясь на дальнейшее развитие технологий. Проходят годы, и оцифрованное сознание Доджа подключают к Битмиру — вечной загробной жизни, в которой люди существуют как цифровые души в телах-симулякрах. Но является ли утопией этот новый дивный бессмертный мир?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод на русский язык,
2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199063-3

Посвящается О. Л.

Книга первая

ЧАСТЬ I

1

Додж очнулся от сна. На прикроватном столике тренькал телефон. Не открывая глаз, Додж ощупью нашел его, сдернул с зарядного провода, утащил под одеяло и перевел в режим «дремать». Телефон умолк. Додж перекатился на бок и сунул его под подушку, чтобы сподручнее было заткнуть, когда через девять минут будильник зазвонит снова. Чудо, конечно, что мозг хранит трехмерную модель кровати и соседнего с ней пространства, а значит, можно проделать это все с закрытыми глазами, но лучше не рисковать.

Засыпать особо не хотелось, так как перед пробуждением ему снился на редкость муторный сон. Сюжет состоял в том, что он никак не мог раздобыть кофе. Додж был в айовском городке своего детства, который оставил в зеркале заднего вида более полувека назад. К тамошним воспоминаниям примешивались люди и места из более поздних времен, но прямоугольная сетка улиц, по которым он мальчишкой гонял на велике, до сих пор служила пространственной решеткой почти всех его снов. На ней, как на миллиметровке, мозг выстраивал чертеж событий.

Во сне он пошел за кофе, но на каждом шагу утыкался в самые заурядные препятствия. В мире сна это удивляло и бесило: невероятно, чтобы столько совпадений встало на пути такого простого дела.

Однако теперь, когда Додж бодрствовал или, по крайней мере, полудремал, все объяснилось просто и логично: и впрямь трудно добыть кофе, если лежишь в постели с закрытыми глазами.

За следующий час он нажимал «дремать» еще несколько раз. Но то был не совсем сон, а полузабытье, когда мысли мало-по-

малу превращались в путаницу обрывков. От сна оно отличалось, как пыльные нити в углу чулана — от геометрически четкой паутины.

Интересно, разработчики проводили клинические исследования, чтобы определить девятиминутный интервал дремы? Почему не восемь минут, не десять? Создатели этого телефона известны своим вниманием к мелочам. Наверняка все основано на экспериментальных данных. Не случайно, что до следующего звонка Додж только-только терял связную нить мысли. Будь интервал короче, он бы не успевал забыться и функция не оправдывала своего названия. Чуть дольше, и дрема перешла бы в настоящий сон. А так он мог считать: «Я нажал кнопку три раза. Пять раз. Я уже проспал лишний час».

Однако расчеты эти не сопровождались угрызениями совести. Додж знал, что спешить некуда. В период осознанности после третьего нажатия кнопки он вспомнил, что сегодня его в офисе не ждут. Ему предстояла рутинная амбулаторная процедура, назначенная на одиннадцать утра, то есть еще нескоро.

Помимо желания выпить кофе единственным стимулом встать была, как ни странно, мысль, что лишний сон помешает вздремнуть после обеда. Додж уже лет десять фанатично следовал ритуалу дневного сна. Поначалу он грешил на возраст: в его семье старикам случалось засыпать в церкви, на садовой скамье-качелях и даже за рулем. Потом вспомнил, как в восемнадцать колесил на раздолбанных машинах по Канаде и западной части США и часто на него накатывала просто невыносимая сонливость. Он старался перебарывать ее либо просто не ездить в это время. С тех пор ничего особо не изменилось, просто он разбогател и обзавелся личным кабинетом с ковриком для йоги и подушкой в углу, а равно поумнел и уже не боролся с послеполуденной сонливостью. Всего-то и надо, что закрыть дверь, перевести электронику в беззвучный режим, раскатать коврик, лечь и вырубиться минут на двадцать, а в итоге он получал силы еще на несколько часов интенсивной работы.

Сколько именно проспать, значения не имело. Додж пришел к выводу, что для успешного дневного сна важен лишь обрыв сознательного восприятия — миг, когда перестаешь мыслить

связно и проваливаешься в забытье. Часто это сопровождалось судорожным подергиванием руки или ноги, когда он переступал порог сна, в котором должен был поймать мяч, или открыть дверь, или что-нибудь в таком роде. Если судорога его не будила, значит, нить сознания оборвалась и дневной сон достиг своей единственной важной цели. Даже если он просыпался через десять секунд, то чувствовал себя не менее (а может, даже более) бодрым, чем если бы час продрях как убитый.

Додж изучал эту судорогу. В тех все более редких случаях, когда он спал с женщиной, он иногда нарочно перебарывал сон, слушал ее дыхание, чувствовал, как мягчает ее тело, и дожидался мгновения, когда она, проваливаясь в забытье, дернет рукой или ногой.

По работе (он был основателем и президентом крупной компьютерно-игровой компании) ему иногда случалось летать частным самолетом на остров Мэн, в восьми часовых поясах отсюда, где в отреставрированном замке жил его давний деловой партнер — разбогатевший писатель. Писатель укладывал гостя в одной из двух башен. Круглую спальню украшали предметы средневекового интерьера и согревал большой камин, в котором горели настоящие дрова. Огромная кровать венчалась тяжелым балдахином. Года два назад, забравшись под балдахин и пролежав какое-то время без сна, Ричард (это было настоящее имя Доджа) провалился в кошмар с участием крайне опасного и неприятного персонажа, которого имел несчастье встретить за несколько лет до того. Проснулся он в галлюцинаторной уверенности, что этот персонаж стоит рядом и на него смотрит. Чистейший абсурд, поскольку персонаж давно умер, однако Ричард был в полудреме, когда логика выключается. Он попытался сесть. Ничего не произошло. Попытался поднять руки. Они не сдвинулись и на волос. Попытался набрать в грудь воздуха и заорать, но тело не слушалось приказов мозга. Он был совершенно беспомощен и не мог даже извиваться, как связанный пленник. Ему оставалось лишь переживать ужас полнейшего бессилия, пока его вновь не накрыло сном.

Через несколько мгновений он резко проснулся и сел. Тело снова работало. Он сбросил тяжелое одеяло, спустил ноги на

пол и повернулся к догорающему камину в нескольких футах от кровати. В комнате никого не было. Массивная дверь, похожая на крепостные ворота, была по-прежнему заперта. Кошмарное ощущение, такое убедительное минуту назад, теперь казалось смешным. Ричард на пробу лег и увидел, что ночник отбрасывает на балдахин тень и эта тень колыхается в дрожащем свете камина. Видимо, во сне он приоткрыл глаза и принял тень за человеческую.

Так что причина кошмара нашлась. Впрочем, загадкой был напавший на него в кошмаре полный паралич. Позже Ричард выяснил, что это хорошо известное и научно подтвержденное явление под названием сонный паралич. Примитивные культуры объясняют его магией или выдумывают истории про жутких ночных тварей, которые садятся тебе на грудь, прижимают тебя к кровати, высасывают воздух из легких и крик из глотки.

Но для этого феномена есть вполне рациональное объяснение. Когда вы бодрствуете, ваш мозг, естественно, контролирует ваше тело. А вот когда вы спите, вы обычно видите сны. И во сне вы можете бегать, драться, говорить. Если бы тело по-прежнему выполняло приказы мозга, вы метались бы по кровати, орали и так далее. Поэтому эволюционно выработался механизм, вроде рубильника, отключающий связь мозг-тело, как только обрывается нить сознания. А в миг пробуждения рубильник переходит в положение «вкл», и вы продолжаете двигаться как всегда. Обычно система работает безотказно, и большинство проживает жизнь, не догадываясь о ее существовании. Но любая система дает сбой. Один из этих сбоев — судорога в момент засыпания; она означает, что выключение рубильника запаздывает на долю секунды. Другой, более пугающий сбой происходит изредка, особенно с людьми, которые, как Ричард на острове Мэн, спят в непривычное время суток. Вы просыпаетесь, но рубильник не встает в положение «вкл», и вы остаетесь парализованным, как за мгновения до того во сне. Подобно человеку, который дышит размеренно и вроде бы мирно спит, а на самом деле видит ужасный кошмар, вы лежите с открытыми глазами в полнейшем покое, не в силах ничего поделать с воображаемой тварью на груди, врагом подле кровати, огнем, пожирающим ваш дом.

В любом случае никаких долговременных последствий этот случай не оставил, если не считать новых праздных интернет-поисков касательно природы сна и раздумий над своей привычкой ложиться после обеда. Так Додж развил свою теорию (не подкрепленную никакими научными данными), что залог успеха дневного сна — разорвать нить сознания ровно настолько, чтобы рубильник встал в положение «выкл». Когда он вновь встанет в положение «вкл», пусть даже всего через несколько минут, вся система мозг-тело перезагрузится, словно зависший компьютер, который всего-то и надо, что выдернуть из розетки и включить заново.

Мысль про обрывание нити окончательно его разбудила, поскольку вызвала некую ассоциацию. Додж достиг того этапа жизни, когда остается очень мало настоящих стимулов встать с кровати, но вот на что он всегда с готовностью отзывался, так это на зов собственных произвольных мыслей, желание отыскивать связи и параллели.

Впрочем, с кровати его подняла не ассоциация, а звон в ушах, который сегодня был хуже обычного. Мир напоминал Доджу, что нужно встать и немного пошуметь. Собственно, дело это было не новое: слишком много он в молодости палил из ружей и забивал гвозди, слишком много вечеров провел в байкерских клубах Британской Колумбии. А несколько лет назад еще и оказался в гуще перестрелки без адекватных средств защиты органов слуха. Точнее сказать, вообще без средств защиты. С тех пор в ушах звенело почти всегда, сильнее или слабее. Причина звона оставалась загадкой. Похоже, мозг честно пытался объяснить себе отсутствие значимого сигнала от ушей, которые уже не работали как следует. Гипотеза вроде бы подтверждалась тем, что звон усиливался в тишине; окружающая среда не давала слуховой системе нужных данных. Помогало от этого устроить шум. Не обязательно громкий. Обычный звук шагов или струи из-под крана убеждал мозг, что вокруг по-прежнему существует нормальный мир, и давал несколько простых подсказок касательно настоящего положения вещей.

Ричард встал, надел пижамные штаны, сходил в туалет, принял таблетки, которые полагалось принимать до завтрака, и пошел в так называемую большую комнату своего пентхауса

на крыше небоскреба в центре Сиэтла. Это была супердорогая недвижимость, спроектированная и обставленная в принятом у ИТ-магнатов Северо-Запада стиле почти претенциозного минимализма. Стеклопакетные двери на террасу Ричард с вечера оставил открытыми, удвоив таким образом размер жилой площади. Стеклопакетный потолок террасы был оборудован встроенными инфракрасными обогревателями вроде тех, что висят над кассами в «Хоум депо», чтобы кассиры — сомалийцы и филиппинцы — не умерли от переохлаждения. В холод и дождь, то есть примерно половину года, обогреватели поддерживали тут комфортную температуру. В конце лета и (как сейчас) ранней осенью они были не нужны, и терраса просто служила продолжением большой комнаты, перетекавшей в нее без помех. Она выходила на залив Эллиот и горы Олимпик.

Строгость дерева, кожи и камня нарушали аномальные розовые и малиновые цветочные всплески. У Ричарда часто гостила внучатая племянница София, к которой он относился как к родной внучке. В прошлые выходные родители — племянница Ричарда Зула и ее муж Чонгор — оставили Софию у него, чтобы вырваться на двое суток в Порт-Таунсенд на другом берегу залива Пьюджет. С террасы паромная пристань была как на ладони. Рядом с парапетом Ричард когда-то установил на штативе огромный советский бинокль из списанных военных запасов. Когда паром отошел от пристани, Ричард поднял Софию на табурет и помог навести бинокль. Тем временем Зула и Чонгор, оставив машину внизу, вышли на корму верхней палубы и стали махать Софии. Вся операция координировалась эсэмэсками и была проведена с точностью атаки беспилотников, к полному восторгу маленькой Софии. У Ричарда ощущение было какое-то необъяснимо тягостное. Или, возможно, правильнее назвать это печальной задумчивостью.

Последовали сорок восемь часов тесного общения между двоюродным дедом и внучатой племянницей. За это короткое время атрибуты современного детства заполнили Ричардову квартиру. Даже если бы Софию ни разу больше к нему не привели, он продолжал бы находить чипсы, блестяшки, заколки и липкие отпечатки пальцев еще лет двадцать.

В воскресенье вечером операцию с биноклем повторили. Зула объяснила, что в Софином возрасте психологически очень полезно видеть, как родители уезжают, а потом — как они возвращаются. Забирая Софию, Зула и Чонгор в суете позабыли экосумку «Хол Фудс» с детскими книжками. Ричард поставил ее к двери, чтобы труднее было забыть в следующий раз, но, пока работала кофемашина, перенес на террасу. Он пристроил сумку на журнальном столе рядом с кофейной чашкой и достал две большие книги, купленные для Софии в воскресенье. Обе были с яркими картинками в псевдонаивной манере, обе написаны и проиллюстрированы Ингри и Эдгаром Пареном д'Олер. Одна называлась «Древнегреческие мифы», другая — «Скандинавские мифы». Ричард с Софией бродили по книжному магазину, и обложка «Древнегреческих мифов», замеченная краем глаза, стрельнула по оптическому нерву в мозг и вызвала временный столбняк наподобие сонного паралича на острове Мэн. Или, учитывая контекст, это было, как будто он увидел Медузу Горгону (кстати, возможно, мифы о горгонах и василисках — донаучное объяснение феномена сонного паралича?).

Книги д'Олеров впервые вышли, когда Ричард был еще маленьким. Свой экземпляр он зачитал до дыр, перелистывал снова и снова, заучивал родословия титанов, богов и кого там еще, а по большей части просто разглядывал картинки, давая им наполнять и формировать свой мозг. Картинки были в обычной манере малышейовых книжек и оттого, наверное, поражали детские нейроны, как герпес. И, подобно герпесу, они латентно дремали в центральной нервной системе много лет. От внезапного контакта с обложкой вирус пробудился и стал контагиозным. Ричард приступил к магазинной полке, словно древний эллин, восходящий по ступеням Зевесова храма, и узрел книгу, ровно как ее помнил, только новенькую и нечитаную, с предисловием знаменитого современного писателя, тоже, видимо, бредившего ею в детстве. София, которая тащилась за Ричардом, держась за его ногу и вытирая нос о его штаны, ощутила в дядюшкиной реакции нечто сверхчувственное и заразилась. Ричард купил оба тома и после дня полного погружения вернул Софию родителям одержимым подмышешем. Она, захлебываясь, рассказывала о тактике